ТЕ ГИ ЧЕН

ТЕ ГИ ЧЕН

ИЗБРАННОЕ

Перевод с корейского
АЛЕКСАНДРА ГИТОВИЧА

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1952

ОТ РЕДАКЦИИ

Те Ги Чен — один из талантливейших молодых поэтов новой Кореи. Он превосходно знаком с классической русской и современной советской поэзией. Естественно, что на его творчестве в большей степени, чем на творчестве других корейских поэтов, отразилось влияние русской литературы.

В 1948 году за поэму «Пектусан» Те Ги Чен получил национальную премию первой степени.

Поэма «Пектусан» посвящена одному из эпизодов народно-освободительной борьбы корейских партизан, сражавшихся с 1931 года в Маньчжурии под руководством национального героя корейского народа, ныне председателя кабинета министров Корейской народно-демократической республики — Ким Ир Сена.

В 1937 году войска Ким Ир Сена впервые нанесли японцам удар на территории самой Кореи. Во главе небольшого отряда Ким Ир Сен перешел пограничную реку Амноган и разгромил японский гарнизон в городе Хесандине. Весть об этой победе дошла до самых глухих уголков Кореи и сыграла огромную роль в развитии освободительного движения корейцев за независимость своей родины.

К поэме непосредственно примыкают широко известные в Корее стихи Те Ги Чена «Туманган» и «Илмильдей», посвященные Советской Армии и великому Сталину.

В дни борьбы корейского народа с американскими захватчиками Те Ги Чен находился в первых рядах борцов за свободу и независимость своей родины. Поэт погиб во время варварской бомбардировки Пхеньяна в июле 1950 года.

Советский читатель уже знает стихи Те Ги Чена, опубликованные на страницах газет. Эти стихи полны благородного гнева, ненависти к врагу и любви к своему героическому народу.

ХОЛМ

1

Стоит безмолвно одинокий холм,
Как будто безымянный остров в море,
И стелется кругом — на сотни ли —
Ночной туман, обнявшийся с луной,
И холм стоит,
Как остров безымянный.

Быть может, спит туман глубоким сном,
Спит и не видит снов?
Лишь на рассвете
В ущелье у подножия горы
Он вздрагивает,
Словно пробуждаясь.

А ветер гонит лепестки цветов,
Он по ночам их тайно навещает,

Всю ночь здесь бодрствуют цветы и птицы,
Но трижды бодрствуют бойцы холма.

Бойцы уже три ночи и три дня
Свой безымянный остров защищают.
Спроси́те —
Как они нашли его?
Спроси́те —
Почему встревожен лес?
Спроси́те —
Почему разбиты скалы?

Без боя ночь прошла,
А на рассвете,
Когда цветы почти неразличимы,
Внезапно загремела канонада —
Зловещая предвестница атак.

Среди сплошного пушечного дыма,
Среди земли, взлетающей фонтаном,
Зияют почерневшие траншеи,
Торчат обломки карликовых сосен,
И яростно бросаются на холм
Потоки двухмоторных самолетов.

Дым и огонь бушуют на холме,
И черные ряды американцев,
Как пауки, ползут к его подножью.
Но холм хранит безмолвие.
Быть может,
Он потерял сознание от боли?
Он жив иль мертв?

Но первым командир
Встает, осыпанный землей и гарью,
Снимает каску, отирает пот
И говорит:
— Товарищи! —
Тогда
Из вдребезги разрушенной траншеи
Два рослых пулеметчика встают
И отвечают:
— Здесь! —
И за камнями,
И за скалой, из глубины воронок
— Здесь! —
Отвечают голоса бойцов.

Враги ликуют, полные надежды,
Что превратили этот холм в кладбище,
Но из огня, из пепла, из земли,
Как из могил, встают бойцы холма,
Встают богатыри
И ждут приказа.

Враги ползут к безмолвному холму —
Осталось сорок метров...
Тридцать метров...
Так близко, что швырнуть бы можно камнем
В их омерзительно-тупые морды,
Но у бойцов не камни, а гранаты
И автоматы в опытных руках.

И ожил холм.
Взметнулось пламя залпов,
Гранаты рвутся, и гремит «ура!»,

И кубарем летят враги к подножью,
И холм,
Как грозный бастион, стоит.

Уже лучами утреннего солнца
Согреты камни и обломки скал,
И теплый ветерок, летящий с моря,
Рассеивает серый дым сраженья,
И, отирая пот и грязь с лица,
Солдаты перевязывают раны,
Готовясь к новой схватке боевой.

О холм Кореи!
На его груди
Проложен гневный путь борьбы народной,
Путь наступления и обороны,
И, проходя по этому пути
Через могилы многих наших братьев.
Ты миру расскажи про этот холм.

3

Здесь
Два богатыря с одной гранатой,
Подобно буре устремясь вперед,
Закрыли грудью пулемет врага
И грудью путь открыли для победы.

Здесь
Крикнул богатырь в лицо врагам,
Взбиравшимся по каменистым склонам:
— Я жив, и пулемет мой жив, собаки,
Взбирайтесь выше —
Я вас подожду!

Здесь
Перед битвой богатырь на камне
Писал слова и душу в них вложил:
«Клянусь тебе, товарищ Ким Ир Сен,
Что буду до последней капли крови
Сражаться за любимую отчизну!
Живи и здравствуй десять тысяч лет!»

На всем пространстве родины моей
Протянуты хребты холмов корейских,
То низких, то высоких.
Если вы
Хотите знать сердца героев наших,
И оценить их подвиг несравненный,
И увидать следы священной крови, —
Сюда придите,
На суровый холм.

И если захотите вы постигнуть
Всю силу пламенной любви к отчизне,
Найти улыбку молодости ясной,
Узнать доподлинную цену жизни,
Узнать доподлинную цену смерти
И душу несгибаемой Кореи, —
Сюда придите,
На суровый холм.

Здесь, на холме,
Под раскаленным солнцем,
Под черно-синим азиатским небом
Навеки сбросившая гнет и рабство
Корея ныне с миром говорит.

Здесь рухнули надежды Уолл-стрита,
Здесь пулями смертельными рассеян

Безумный сон о мировом господстве,
И гром карающих орудий наших,
Как буря, потрясает Белый дом.

О холм Кореи,
Безымянный холм!
Стой на века и на тысячелетья
И поколенья новые встречай,
Как вечный символ Чести и Свободы!

ПЕКТУСАН

(Поэма)

Пролог

Друзья и братья! Тридцать миллионов!
Сегодня я обязан говорить!

Хочу, чтоб волны озера Чанзи́,
Которые, подобно белым тиграм,
Вздымаются так высоко и круто,
Что достают до облаков на небе, —
Водой холодной залили мне сердце:
Оно иссушено кровавым ветром,
В Корее бушевавшим сорок лет.
Я кисть свою любимую беру,
Она — мой штык,
Она — мое оружье.
Поэт неопытный и неизвестный,
Я в дни свободы должен говорить!

Вонзились в небо каменные скалы,
Их крутизна страшна и недоступна,
На их вершины голые подняться
Не может даже утренний туман.
Но мы сейчас корабль воспоминаний
Направим против времени теченья
К тем грозным и мучительным годам,
Когда отчизны нашей партизаны
Сюда, на эти скалы, поднимались
И зажигали на седых вершинах
Костер Освободительной Борьбы.

Теперь солдаты Северной Страны
Освобожденье принесли Корее, —
Они прошли по водам Туманган а,
Они прошли через хребты Чаннпека,
Там, где любая горная долина
Еще хранит следы недавних битв.
И я — свободный гражданин Кореи —
Свободно поднимаюсь на вершину,
Откуда с высоты трех тысяч ли
Мне родина видна, как на ладони.

О наших предков древняя земля!
О кровеносные ее сосуды,
Где дольше четырех тысячелетий
Бежала кровь родной страны, — мы помним,
Как разреза́ли их ножом японцы.
Тогда — мы помним — тысячи борцов
Ушли в тайгу глухую Пектусана,
И почевали на опавших листьях,
И проходили через Землю Смерти,
Как через дома о́тчего порог.

Я на скале стою.
Быть может, здесь
Врагов громили наши партизаны
И гневные свои держали клятвы,
Подобные кинжалам боевым.
Быть может, здесь советские солдаты
Освобожденья водрузили знамя,
О неизвестная скала на древнем
Хребте Чаппек, чьи корни вековые
С корнями сердца моего срослись!
Иду я по следам прошедших битв
И собираю мысли воедино,
Наверно недостойные героя,
За родину сражавшегося здесь.
Но я хочу, сограждане и братья,
Душой открытой, и открытым сердцем,
И голосом — пусть слабым и неровным —
О подвигах народных рассказать.

Глава первая

1

Холмы и скалы. Скалы и утесы.
Им нет числа. Им нет конца.
И если
Ты перейдешь в пути одну долину, —
Другая возникает пред тобой.
И, проходящий горною дорогой,
Ты видишь: высоко над головою
Дубов столетних лапчатые ветви
С ветвями кедров переплетены.

Долина медлит, поднимаясь в гору,
И снова опускается бессильно,
Как человек, работой изнуренный.
И далеко — на много сотен ли —
Лежит тайга, засыпанная снегом;
Сюда и зверь боится заглянуть,
Сюда и птица прилететь не хочет —
В глухое логово хребта Чаннек.

Здесь вьюга, воя, намела сугробы,
Но между ними, вдоль утесов голых,
Ты различаешь одинокий след,
Ведущий к северу.
Кто здесь прошел?
Быть может, заблудившийся охотник,
Доверивший свою судьбу стихии?
Но почему он держит путь на север,
Туда, где седовласый Пектусан
Швыряет вниз сугробы снеговые
И ледяными вьюгами грозит?

2

Внимательно смотри на этот след:
Так человек растерянный не ходит.
Вчерашней ночью люди здесь прошли,
Вооруженные, в халатах белых.
Их было больше сотни,
Но они,
Один лишь след оставив за собой,
Ушли на север по снегам глубоким.

А ныне здесь — гляди — идут японцы,
До пояса проваливаясь в снег.

Бегут овчарки впереди отряда,
Блестят штыки, привинченные к ружьям,
И офицерские очки блестят.

— Здесь одного лишь человека след, —
Так говорят Очки, — куда ж девались
Все остальные дьяволы? .. —
Но фразы
Договорить Очкам не удалось:
Раздался выстрел в воздухе морозном,
Очки упали, не успев взглянуть
В ту сторону, откуда гряпул выстрел.
И тотчас же, врываясь в тишину,
Треск пулемета, выстрелы винтовок
Заполнили долину ледяную,
И эхо трижды повторило их.

Вперед, вперед!
И белые халаты
Обрушились с утесов, словно камни,
На головы японцев.
Загремел
Железный голос рукопашной схватки.
Штыки, сиянье снега отражая,
Подобно синим молниям сверкнули.

— Товарищи!
Пусть ни один японец
От нас живым сегодня не уйдет!

3

Так партизанский командир воскликнул.
Он — юноша — взбегает на скалу,

Его халат подобен белым крыльям,
Стремящимся подняться в небеса,
И взгляд, как нож, пронзает поле боя.

— Товарищи!
Пусть ни один японец
От нас живым сегодня не уйдет!

Сверкнул кинжал в руке его могучей,
И два японца, что еще пытались
Бороться и стреляли из винтовок,
Упали, как подкошенные, в снег.

Кто этот юноша, руководящий
Победоносной партизанской битвой,
При имени которого японцы,
Бледнея, в смертном ужасе дрожат?
Уже давно идет молва в народе
О том, что Ким Ир Сен — хозяин гор
И что они во всем ему подвластны,
Что может он по своему желанью
Соединить вершины Пектусана,
Чтобы потом опять разъединить;
Что может он, подобно горной птице,
Перелетать с вершины на вершину
И что глаза его, как две звезды,
Сияют по ночам над Пектусаном.

4

Стремительная битва отгремела,
И партизаны — воины тайги, —
Не торопясь, оружье собирают.
Лежат в долине мертвые японцы,

Сраженные кинжалами возмездья.
А сколько тех, которые бежали,
Забыв микадо своего,
Забыв
О пресловутой чести самураев?

— Нет, ни один отсюда не ушел
Из тех, что доставляют нам оружье! —
Докладывает комиссар Чор Хо.
И Ким Ир Сен смеется светлым смехом,
Напоминающим цветы Хамбек,
Что лепестки весной на снег роняют.

5

Метет метель...
Все в мире стало белым —
Долины, скалы, небо и земля,
И кедры, сплошь осыпанные снегом,
На яблони цветущие похожи.

Под кедрами раскинуты палатки,
И сладок дым горящего костра,
И сладким сном уснули партизаны.
И лишь в одной палатке до зари
Не гаснет слабый свет походной лампы.
Отсюда, из палатки Ким Ир Сена,
Когда рассвет забрезжил на востоке,
Уходит комиссар в далекий путь.
И пусть без отдыха метель бушует,
И пусть земля от лютого мороза
Тверда, как дуб,
Но сердцу комиссара

Тепло, — он помнит о рукопожатье
И о словах последних Ким Ир Сена:
— Будь осторожен, верный друг Чор Хо!

6

Метет метель...
Она то бродит в горных
Долинах, рощах и ущельях, словно
Кого-то ищет там, и не находит,
И плачет, жалуясь на жизнь свою;

То, словно дикий зверь, рычит от злобы,
Кидается на стены скал отвесных
И, горные хребты пересекая,
К юго-востоку бешено несется —
Туда, где льдом покрылся Амноган.

Метель, метель!
Ты знаешь, что по скалам
С тобою вместе комиссар Чор Хо
Идет, чтоб за великим Амноганом
Вступить на землю родины своей?

Метель, метель!
Ты тоже из Чаннека,
И партизану ты должна помочь!

Чор Хо идет нелегкою дорогой,
К юго-востоку, мимо пограничных
Двух городов, лежащих на пути.
Метель, метель! —
Подруга партизана,

Мети сильней и укрывай Чор Хо,
Скрывай его от хищных глаз японских,
Чтоб мог он перейти за Амноган,
На землю родины своей священной!

Глава вторая

1

Проходят дни, и месяцы проходят,
Опять горит костер в ночном лесу,
То вспыхнет пламя, то почти замрет,
И снова искры высоко взлетают,
Как будто в сумрачной тайге Чаппека
Идет смертельный бой Огня и Тьмы.

О пламя партизанского костра!
Ты согреваешь здесь не только руки,
Но и сердца и души партизан,
Тех, что пришли сюда дорогой смерти,
Разбив карательный отряд врага.

2

От долгих переходов ноют ноги,
И ноют раны,
И четвертый день
Никто из партизан не ел, — и все же
Они сейчас глубоким сном уснули —
Сном отдыха.
Один лишь человек
Лежит, облокотившись, у костра,

Не замечая, как проходит ночь:
В такие ночи он всегда читает. —
В прочитанном он обретает силы,
И к цели путь становится ясней.
Вот и сейчас в руке он держит книгу,
Где говорится о борьбе народной,
О подвигах, о воинском уменье
Чапаева, и Щорса, и Лазо.

Он думает:
«Да, нас покамест мало,
Но мы уверены в себе, и эта
Уверенность нам освещает путь.
И — будет время — осветит она
Всю землю исстрадавшейся отчизны.
За нас не только наш народ корейский —
За нас народы Северной Страны,
Страны, где справедливость и свобода
Несокрушимую воздвигли крепость
И разгромят агрессию и тьму».

Затем он думает о том, что скоро
Вернутся люди, посланные им
За продовольствием;
Что, наконец,
Придут, быть может, вести от Чор Хо,
Такие долгожданные...

Костер,
Всю ночь боровшийся с дремучей тьмою,
Потух, усталый после долгой битвы,
И на востоке золотой рассвет,
Постель ночных туманов убирая,
Над миром подымается легко.

3

Наутро продовольствие пришло:
Вернулись люди, приведя с собою
Добытых где-то жирных двух быков.
И тотчас же засуетился лагерь, —
Бойцы, не ожидая приказанья,
Спешат раздуть огонь костра и точат
Свои ножи.
Как не понять бойцов,
Которые четыре дня без пищи
В походах и сраженьях провели?

Но в это время входит Ким Ир Сен.
Он спрашивает:
— Где вы раздобыли
Таких быков?
— Бойцы отбили их
На лесоразработках у японцев, —
Докладывает младший командир.

Но Ким Ир Сен глядит на бычьи морды.
На них висят цветные украшенья
Из вышивок и маленьких монет.

— Товарищи!
Я спрашиваю вас,
Давно ли партизаны превратились
В грабителей народа своего?
Смотрите все на эти бычьи морды:
Японцы так быков не украшают.
Вот этот бык принадлежит корейцам,
А тот — китайцам, братьям по борьбе. —

Так Ким Ир Сен сказал бойцам.
И ясно,
Что это есть приказ — вернуть быков
Законным их хозяевам — крестьянам,
И снова собирать в лесу коренья,
И завтракать похлебкой из травы.

4

Впервые не был выполнен приказ:
Из двух быков крестьянских одного
Не довели к хозяевам — убили.
И вот стоит безмолвно Ким Ир Сен
Перед безмолвным партизанским строем.

— Я спрашиваю: кто убил быка?

Ответа нет. Тяжелое молчанье,
Тяжелая, немая тишина.
Строй неподвижен...

— Кто убил быка?

Из тихо расступившегося строя
Выходит бледный партизан Сок Чун.

— Товарищ командир, моя вина...

И сразу вздрогнул изумленный строй:
Ужели наш Сок Чун, любимый всеми,
Прославленный в атаках и разведках,
Нарушить мог присягу и приказ?!

Стоит Сок Чун, глаза потупив в землю,
Его лицо еще бледнее стало,

И голос сдавленный его дрожит:
— Товарищи, уже четыре дня
Не ели ни бойцы, ни командиры...
Тогда раздались голоса из строя:
— Позор ему!
— Не нужно оправданий!
— Он помогал японцам!

И Сок Чун
Сказал, хрипя:
— Кто помогал японцам?
— Ты помогал!
— Я помогал?!
— Да, ты!!
— Тогда... — Затвор винтовки сухо щелкнул. —
Я стою смерти... —
И винтовки дуло
Он направляет прямо в грудь свою.

— Стать смирно! —
Грянул голос командира,
И этот голос, как доской железной,
Все голоса иные придавил.

— Товарищи!
Как маленький ручей,
Соединясь с другими ручейками,
Становится могучею рекой, —
Так мы, соединенные с народом,
Должны рекой и даже морем стать.
Вся наша сила — это связь с народом,
Разрыв с народом — это наша гибель,
Которой так желают нам японцы,
А ты не понял этого, Сок Чун!

— Я понимаю, — говорит боец, —
Свою вину и тяжесть преступленья... —
Холм наказанья перед ним встает —
Как перейти ему за этот холм?

(Трава, что леденеет от мороза,
Наверно более жива, чем он.)
И партизанам ясно: наказанье
Одно лишь может быть ему — расстрел.

Гнетущее молчанье перед бурей.
Молчанье.
Гробовая тишина.

— Найди хозяина и расплатись
За этого быка!

И Ким Ир Сен
Уходит медленно к своей палатке,
И пятна гнева сходят постепенно
С усталого прекрасного лица.

5

Уж десять дней, как партизанский лагерь
Раскинут в горных рощах.
И крестьяне
Из дальних деревень сюда идут.
Приходят и корейцы и китайцы
И как бы соревнуются друг с другом,
Чтобы отряду помогать во всем.

И все-таки за десять суток
Не мог заснуть ни разу командир,

Покамест на одиннадцатый день
Его не навестил один мужчина,
Одетый как рабочий,
С донесеньем
И маленькою картой — от Чор Хо.

6

Едва рассвет забрезжил над горами,
К юго-востоку двинулся отряд.
Пусть перед ним лежат хребты и скалы,
Пусть горная дорога далека, —
Кто из бойцов, хотя бы в тайных мыслях,
Себе промолвил слово «тяжело»?
Ведь даже в зимних, ледяных ночах,
Когда от стужи умирают волки
И птицы замерзают на лету, —
Скажи тогда любому партизану,
Что путь его пойдет к юго-востоку,
Боец пойдет по этому пути,
Ни голода, ни стужи не страшась,
С душою светлой и открытым сердцем.

Путь к родине!
Во сне и наяву
Владеешь ты мечтами партизана.
И если не дано ему живым
Стать на порог родительского дома, —
Пусть прах бойца, служившего отчизне,
В земле родимой обретет покой.

Путь к родине!
Суровый путь борьбы!

Веди, веди бойцов к юго-востоку,
Туда, где за великим Амноганом
Лежит священная земля отцов.

Глава третья

1

О Амноган, великая река,
На сотни ли твои сияют воды
И льются в море.
Вот уже туман
Их накрывает темной пеленою
И накрывает одинокий плот,
Плывущий медленно вниз по теченью.
И на плоту, из маленькой избушки,
Печальной песни слышится напев:

«На дудочке играя,
Плывем мы по реке.
Поля родного края
Остались вдалеке.
Нам плыть по глади синей
Немало сотен ли, —
И мы плывем к чужбине
Из отческой земли...»

Зачем так грустно песенка звучит? —
Но такова судьба народных песен
На исстрадавшейся земле отцов.
И разве песни могут быть иными,
Когда японцы из столетних сосен
Построили просторные жилища,

И веселятся там, и пьют саке́,
А нищие дома крестьян корейских
Дряхлеют, разрушаясь с каждым годом,
И крыши и столбы давно гниют...

2

Когда стемнело и прохладный вечер
Простерся над волнами Амногана, —
На северном скалистом берегу
Послышался протяжный свист,
И сразу,
В ответ ему, в избушке на плоту
Зажегся маленький фонарь сигнальный,
И плот, качаясь, к берегу поплыл.

Два человека на берег ступают:
То плотовщик и комиссар Чор Хо.
И к ним, как тени, быстро и бесшумно
Спешат бойцы, скользя среди камней.

Невзрачный плот на водах Амногана,
Теперь ты мост к родимой стороне,
Пловучий мост, который приведет
Бойцов к земле отчизны долгожданной.
И мост плывет,
И слышатся во тьме
Негромкие слова корейской песни:

«Пусть далеко от дому
Нас волны унесли, —
Но к берегу родному
Вернутся корабли...»

3

Так вот она, корейская земля,
Истерзанная злобными врагами,
Где у корейца места нет для жизни
И даже после смерти места нет.

Я спрашиваю наших партизан:
Давно ль они переходили реку
С той стороны, корейской,
И вступали,
Как нищие, на неизвестный берег
Чужой необработанной земли?

Тогда — кто помнит? — ветерок вздыхал,
Как те, что здесь переходили реку.
Тогда — кто помнит? — волны Амногана
О каменные скалы разбивались,
И брызги этих волн подобны были
Слезам корейцев, проходящих здесь...

О Амноган, великая река!
Сегодня, бурно подымая волны,
Греми, греми,
Чтоб раскатилось эхо
По всем просторам отческой земли!
Сегодня вновь ее сыны вернулись,
Они пришли из дальних гор Чанпека
И пламенем сердец вольнолюбивых
Перед собою освещали путь.

О Амноган, великая река!
Сегодня, бурно подымая волны,
Греми сильней,

Чтоб раскатилось эхо,
Оповещая древнюю отчизну,
Что сыновья ее пришли сюда
И зажигают на земле корейской
Костер Освободительной Борьбы.

Глава четвертая

1

Лежит в ущелье горном городок.
Давно пробила полночь.
Горожане
Уснули, погасив огни в домах.
Давно закрыты двери магазинов,
В которых спорили и торговались,
Стараясь лучше обмануть друг друга.

Затихли даже кабаки ночные,
И перепившиеся там японцы,
Оравшие «Кусаци Оитоко».
Домой вернулись от японских шлюх.

И на окраине,
В лачуге ветхой,
Где лодочника бедная жена
Сегодня утром потеряла мужа,—
Затихли причитания ее,
Она уснула сном без сновидений,
И рядом с ней уснули сыновья,
Похожие на изможденных старцев.

2

Давно пробила полночь.
Город спит.

Лишь тусклым светом фонари горят
И освещают улицы немые.
И у стола в участке полицейском
Дежурный потихоньку задремал,
Пока его не разбудили крики
Какой-то женщины, втолкнувшей в двери
Оборванного пьяного мужчину,
Который еле на ногах стоял.
— В чем дело? — говорит ей полицейский.
— Он не желает мне платить за водку!
— За-чем пла-тить? — смеется оборванец. —
Смешно, ей-богу...
— Ты чего смеешься? —
Орет дежурный, —
Перед кем смеешься?
Я научу тебя, корейский пес,
Как здесь смеяться!

И дежурный встал,
Сжав кулаки, и подошел к мужчине,
Но тут же, получив удар в висок
Тяжелой рукояткой пистолета, —
Свалился на пол захрипев.

Мужчина
(То был Чор Хо) проходит к телефону
И разрезает провод.
А Кот Пун —
Подпольщица, храбрейшая из храбрых, —
Распахивает настежь дверь участка
И подает фонариком сигнал.

И тотчас где-то рядом грянул выстрел,
И вслед за ним другие загремели —

На почте, в банке, в городской управе
И в управлении лесоразработок.

И пулемет зажег в туманном небе
Густой пунктир трассирующих пуль.

3

Враги бегут неведомо куда
И падают под гибельным обстрелом.
Горит тюрьма,
Горят дома японцев,
Горят дома предателей народа,
И пламя, высоко вздымаясь в небо,
Все освещает в городе ночном.

Впервые здесь, за эти годы рабства,
На улицах, растоптанных врагами,
Сопротивления могучий голос
Призывом и надеждой зазвучал.

По улицам, восставшим ото сна,
Бегут мужчины, женщины и дети.
И с непокрытой головой старик
Бежит со всеми к площади, туда,
Где толпы, озаренные пожаром,
Шумят и плещут, как морской прибой.

И вдруг затихло все.
И Ким Ир Сен
На площадь вышел во главе отряда
И поднял руку с обнаженной саблей,
И блеск пожара отразила сталь.

— Корейцы!
Все глядите на огонь,
Обрушенный на хищников японских!
Жива душа Кореи!
Бьется сердце
Бессмертного корейского народа!
Сильнее раздувайте это пламя,
Чтобы оно дотла сожгло врагов!

И грянуло могучее «мансэй!»
И потрясло ряды домов и улиц,
И пламя, высоко вздымаясь в небо,
Пронзило почь над древнею землей.

4

И, озаренные багровым светом,
С любимой песней о своей отчизне,
Из города уходят партизаны,
Что луч надежды принесли сюда.
Их провожают толпы горожан:
— Счастливого пути, герои наши!
— Да будет с вами счастье и победа!
И слезы на родных суровых лицах
При свете пламени красны, как кровь.

— И вам, друзья, счастли́во оставаться!
— Сражайтесь за народную свободу!
— На боевом пиру освобожденья,
Товарищи, мы встретимся опять!

И партизаны, раздвигая тьму,
Идут в строю военном
Ровным шагом,
Ведущим их к полям грядущих битв.

Глава пятая

1

Через ущелья, горы и леса
Выходят партизаны к Амногану,
Чтоб снова эти волны перейти.
Но, как ни тяжко с родиной расстаться,
Теперь их путь — не горький путь изгнанья,
А путь возмездья, славы и борьбы.
И, словно сердцем понимая это,
Река встречает сыновей Кореи
Веселым блеском темносиних вод.

Приходит ночь.
И под ее покровом
Плоты сооружают партизаны.
Уже работа близится к концу,
Но неожиданно с холмов далеких
Раздался гром орудий полевых.
И закипели воды Амногана
От рвущихся снарядов.
И вдали
Слышна стрельба тяжелых пулеметов.
Спешат,
Спешат японские войска,
Чтобы прижать корейцев к Амногану
И окружить и уничтожить их.

2

— Спокойствие, друзья! — звучит команда. —
Не прекращать работы! —
Ким Ир Сен

Под градом пуль работает с бойцами,
И только маленький отряд прикрытья
Уходит в скалы во главе с Чор Хо.

Вот, наконец, плоты уже готовы,
И основные силы партизан
Переправляются в ночном тумане
К другому берегу.
Гремят орудья
Японские и льют стальную лаву,
Подобно огнедышащим вулканам,
Ревущим над спокойствием ночным.

Тогда последними на плот последний
Два партизана вскакивают вместе:
Чор Хо и рядом с ним боец Сок Чун.
Но грянул взрыв — и комиссар упал
На край плота
И потерял сознанье.

3

А сзади, в нескольких шагах, в тумане,
Орут японцы.
И Чор Хо, очнувшись,
Увидел их.
Тогда, сосредоточив
Все силы жизни в раненой руке,
Он из-за пояса гранату рвет
И прямо в скопище врагов бросает.

Разрыв — и стоны раненых японцев.
Чор Хо берет последнюю гранату,
Но в это время падает снаряд

И плот раскалывает на две части.
И комиссар сквозь черный дым и пламя
Увидел, как Сок Чун свалился навзничь,
Сжимая ствол винтовки боевой.

Чор Хо пытается поднять бойца,
Но мертв Сок Чун.
И снова — свист снаряда...
Разрыв...
И закипевшая вода
Двух партизан навеки укрывает.

4

Холмы и скалы. Скалы и утесы.
Звучит команда. Строится отряд.
И только нету в боевых рядах
Ни комиссара, ни бойца Сок Чуна.

И с ненавистью смотрят партизаны
На дальний берег,
Где в бессильной злобе
Беснуются японцы и стреляют
Неведомо куда и для чего.

— Товарищи, — промолвил Ким Ир Сен, —
Друзья мои!
Мы месяцы и годы
Вели борьбу с врагами на чужбине.
Но прошлой ночью мы прорвали с вами
Защитный вал японских гарнизонов
И побеждали на родной земле.
Товарищи!
Враги еще сильны,

И нам поэтому опять пришлось
Сюда вернуться через Амноган
И потерять двух доблестных друзей,
И мы не знаем, где лежат их трупы...

И сильный голос Ким Ир Сена дрогнул,
И кто-то вытер слезы кулаком.

5

— Товарищи и братья!
(Сильный голос
Опять подобен стали боевой.)
Хотя мы разгромили прошлой ночью
Лишь небольшой японский гарнизон,
Но пламя то, что в городе горело,
Зажжет в груди измученной Кореи
Костер сопротивленья и борьбы.
Корея!
Мы к тебе еще вернемся,
Мы не одни — есть в этом мире Сталин,
Могучий друг народов угнетенных,
Титан, стоящий впереди эпохи,
И сабли справедливости его
Падут на горло империализма!
Стреляйте, партизаны!
И да будет
Салют наш гордой клятвой партизанской —
Бороться за свободу до конца!

6

И над горами грянул гром салюта
И прогремел на тридцать тысяч ли.

О Пектусан, священная гора,
Ты горные хребты зажал в руках,
Как спицы веера.
Седою гривой
Ты машешь высоко над облаками,
И сотни тысяч лет ты ясно видишь
Все, что внизу лежит перед тобой.
Скажи, в тот час, когда взошла заря
И кучевые облака повисли
Над синей чашей озера Чанзи, —
О Пектусан, священная гора,
Скажи, кого ты встретил на рассвете?

И, взмахивая белоснежной гривой,
Нам отвечает древний Пектусан:
— Послушайте меня. Я говорю.
Заря взошла над нашею землею,
Когда покрылся пеной Туманган
От падающих на него снарядов,
И звезды красные на грозных танках
Внезапно засияли на холмах.
Тогда меня окутал дым сражений,
И я, седой старик, помолодел,
Встречая армию Страны Советов,
И вместе с ней я встретил Ким Ир Сена,
Возлюбленного сына моего,
Которого так ждал народ Кореи,
Ждал, словно совесть, волю и надежду
И славу древней родины своей.
И я видал у моего подножья,
Как люди плакали слезами счастья
И, возгласив свое освобожденье,
Мне вечную провозгласили жизнь.

Тогда скажи, великий Пектусан,
Что видишь ты сегодня на рассвете? —
И, взмахивая белоснежной гривой,
Нам отвечает Повелитель Гор:
— Сегодня вижу я свободный труд
Свободного корейского народа,
Дымящиеся заводские трубы,
Поля, принадлежащие крестьянам,
Где небывалый зреет урожай.
И, наконец, я вижу Ким Ир Сена —
Главу Демократического фронта,
И Руку Дружбы, что к отчизне нашей
Протянута Советскою Страной.

Так говорит великий Пектусан,
Но, поглядев на юг родной Кореи,
Он вздрагивает в ярости свирепой,
Хватает ветер с ледяной вершины
И рушит прямо в озеро Чанзи.
И озеро вздымает волны в небо
И падает на каменные скалы,
И грохот потрясает ось земли.

И Пектусан, взмахнув седою гривой,
Глядит через вершины Гималаев
И через Тихий океан глядит:
— Послушайте меня. Я говорю.
Здесь создается новая Корея,
И чужеземные войска не смогут
Остановить строительство ее.
Она, — я возглашаю, — будет твердой
И крепкою, как скалы Пектусана,
Высокой, как вершины Пектусана,
И светлой, словно озеро Чанзи!

ИЛМИЛЬДЕЙ

(Слово генералиссимусу Сталину)

1

Ты, Илмильдей, хранящий скорбь Кореи,
Беседовал лишь с ветром и дождем.
Перед тобою, от невзгод старея,
Мы голову склоняли день за днем.
Текли века неволи и борьбы,
Покамест солнце не взошло над нами, —
И вот теперь дрожащими руками
Мы обнимаем красные столбы.

2

Весь в ранах, как душа твоей земли,
Ты так поблек, дряхлея год от года,
Как будто вечно по тебе текли
Весь пот, все слезы твоего народа.

Но больше не услышишь ты, сгорая
От му́ки и тая бессильный гнев,
Слова высокомерных самураев,
Кощунствующих: «Это что за хлев?»
Сегодня русские к тебе пришли,
Те, что спасли для мира справедливость,
Те, что Корее счастье принесли,
Чтобы оно отныне вечно длилось.
Сегодня русские к тебе пришли.
Гляди на них — они любовь приносят,
И гладят раны старые твои,
И с уваженьем тихо произносят:
«Что ж, Илмильдей, ты верный часовой,
Ты, как солдат, служил своей отчизне.
Да, ты страдал. Но ты живой, живой,
И мы тебе желаем вечной жизни!»

3

Мы обнимаем красные столбы,
А мысль далеко в прошлое уходит...
Когда японцы — палачи судьбы —
Рубили здесь столетние дубы, —
Топор, казалось, нашу грудь находит.
Сто лет пройдут — их будет слишком мало,
Чтоб ты забыл, судьбу свою кляня,
Как перед храмом Синто солдатня
Старуху-кореянку избивала.
С тех пор мы знаем, что тебе не спится,
Что в этот час ты поседел, скорбя,
И треснула святая черепица
Двух древних крыш, венчающих тебя.
О Илмильдей, страдалец... Но сегодня,

Могучим ликованьем обуян,
Ты снова голову седую поднял
И вниз глядишь — на праздничный Пхеньян.

4

Мы обнимаем красные столбы.
А мысли улетают все быстрее,
Они вольны (теперь мы не рабы),
Они летят в поля своей Кореи,
Летят в леса, где властвует весна,
Летят над шумной площадью Пхеньяна,
Уже сияет «Синяя стена»
И голубые воды Тедангана.
Вперед на север!
Выше горных скал,
Под самым солнцем, что над нами встало,
Они летят через седой Байкал,
Перелетают за хребты Урала.
Москва.
Столица мира и труда.
Здесь мавзолей, где спит великий Ленин.
И мысли все слетаются сюда
И преклоняют перед ним колени.
Священная московская земля,
Прими слова корейского привета!
Вот наши мысли — за стеной Кремля,
Где он живет для блага всей планеты.
Пришли мгновенья, что всегда им снились,
Им — нашим лучшим мыслям. И теперь
Они уже в одну соединились,
В одно желанье, и стучатся в дверь
К нему — из всех на свете одному.

— Да, — отвечает он, — я ждал, войдите. —
И наши мысли говорят ему:
— Спасибо, Вождь, Отец, Освободитель.

5

Пусть эта песня ходит по земле,
Пусть ветер понесет ее по свету.
Прошли года блуждания во мгле
Такой, что для нее названья нету.
В такой кромешной тьме блуждали мы,
Где мышь летучая гнездо теряла...
Кто вывел нас из этой вечной тьмы?
Кто сделал так, что солнце засияло?
Все наши песни отданы ему,
Все помыслы летят к нему, как птицы.
Он так в сраженьях побеждает тьму,
Что солнцу надо у него учиться.
Пусть эта песня, как живая весть,
Летит туда, где нет еще свободы,
И возглашает: в мире Сталин есть,
И, значит, волю обретут народы.

ТУМАНГАН

1

Стремительно огибая северную границу
Вдоль берегов скалистых, мимо соседних стран,
В каменно-древнем ложе дорога твоя стремится,
К великим просторам моря уходишь ты, Туманган.
Тут слезы лила Корея и на берегу скорбела
В безмолвной тоске о лучших, будущих временах.
О, сколько раз отраженье печальной одежды белой
Ты несе, Туманган, на темных, холодных своих волнах?

2

Лицо — в глубоких морщинах, одежда его — в лохмотьях,
Все отнято самураями, он загнан и угнетен,
Нет меры его мученьям — сердцу не побороть их,
Посох в руке скитальца — все, что имеет он.

Нет ни жилья, ни крова, негде ему согреться,
Нет у него покоя даже в коротких снах...
Скажи, Туманган, не это ль правдивый образ корейца,
Столько раз отраженный в холодных твоих волнах?

3

Можно ее замучить, но лжи она не сказала б!
Пусть нищенская одежда вылиняла от слез, —
Вздохов ты не услышишь и не услышишь жалоб, —
Терпит она безмолвно все, что ей рок принес.
Еле живой ребенок спит за спиной крестьянки...
Скажи, Туманган, ты видел ее на своих путях?
Не это ль правдивый образ женщины-кореянки,
Столько раз отраженный в холодных твоих волнах?

4

Плывут по теченью льдины, — он разве не знал про это?
Свистят японские пули прямо над головой.
Но, видя северный берег в бледных лучах рассвета,
Реке он судьбу вручает и путь продолжает свой.
За ним — ружейные залпы и злобный треск пулемета...
Скажи, Туманган, ты помнишь его на своих путях?
Не это ль правдивый образ корейского патриота,
Что был отражен когда-то в холодных твоих волнах?

5

Кровавый след на тропинке... Сквозь ветер и непогоду
Последняя пуля в японцев, и вот он на берегу.
Он машет друзьям рукою и камнем падает в воду,
Чтоб даже безгласным трупом не даться в руки врагу.

Он был молодым и сильным, он родом был из Гензана...
Скажи, Туманган, ты помнишь его на своих путях?
Не это ль правдивый образ корейского партизана,
Что был отражен когда-то в холодных твоих волнах?

6

Река страданий и горя, крови и слез Кореи,
Ни нам, ни тебе вовеки обратно не повернуть.
Но чудится, что сегодня ты даже течешь быстрее,
Мечом своих волн могучих к морям пробивая путь.
Как будто ты вместе с нами тяжелую жизнь измерил,
А ныне течешь на воле, свободу свою ценя.
Скажи, Туманган, когда же ты в счастье земли поверил,
Когда началось все это, с какого года и дня?

7

В тот день, когда берег дрогнул от пушечной канонады,
Ты, Туманган, внезапно увидел перед собой
Воинов благородных доблестные отряды,
Шедших непоколебимо на беспощадный бой.
О, не тогда ль ты понял святое свое призванье,
Когда ты поил героев, не знающих слова «страх»,
И, словно Образ Победы, — Красной Звезды сиянье
Ты отразил впервые в холодных своих волнах?

8

Тогда бледнели от страха растерянные японцы, —
Бросая в пути оружье, бежали они на юг.

А с севера — ты увидел — медленно встало солнце
И озарило горы, землю и все вокруг.
И воинов справедливости, черпавших каской воду,
Ты на груди широкой бережно перенес,
И вместе с ними в Корею ты перенес Свободу,
И стал нам Рекою Счастья, а не Рекою Слез.

ИЗ ЦИКЛА «ВОССТАНИЕ В ЕСУ»

Ночь

Опускается ночь,
Тяжело накрывая дома́,
Молчаливый туман
Пробирается в город угрюмо.
Даже море молчит.
И сгущается влажная тьма,
И молчанье течет,
Опасаясь малейшего шума.

Но винтовочный выстрел
Летит,
Тишину расколов,
Возвещая в ночи
Приближенье железного срока,
Руководству восстания

Порт рапортует: «Готов!»
И Республики флаг
Подымается в небо высóко.

Это первая пуля
Из тысяч повстанческих пуль.
Пусть дома и кварталы
Совсем потонули во мраке —
Ты послушай, как бьется
Приморского города пульс, —
Это пульс патриотов,
Готовых к бессмертной атаке.

Патриоты — на месте.
Расплата еще впереди:
Пуля — тем, кто отчизну
За доллары
Предал и продал.
Красный факел восстанья
Горит у героев в груди,
Ждут сигнала повстанцы —
Сыны трудового народа.

Перед зданием школы
Машина стоит во дворе.
Тело грузовика
Обвевает ночная прохлада.
Кузов полон оружья:
Его на вечерней заре
Три подпольщика вывезли
Из полицейского склада.

Разгружают рабочие
Теплый еще грузовик.

— Ты, старик, отойди! —
Командира слова прозвучали.
— Никуда не уйду, —
Отвечает спокойно старик, —
От борьбы не уйти,
Как нельзя мне уйти от печали.

Не вчера ли мой сын
Иностранною пулей убит.
Он упал головой
На прибрежные скользкие камни.
Тридцать лет я грузил,
И не счесть моих горьких обид, —
Что́ мне тяжесть винтовки?
Она, как пушинка, легка мне.

— Ты что делаешь здесь?
— Я, как все, за оружьем пришел! —
Это маленький школьник
Встает; как солдат перед строем.
О восстанье в Есу!
Труден путь твой,
Тернист и тяжел —
Много здесь повидало ты
Старых и юных героев!

Патриоты — на месте.
Расплата еще впереди:
Пуля — тем, кто отчизну
За доллары
Предал и продал.
Красный факел восстанья
Горит у героев в груди,
Ждут сигнала повстанцы —
Сыны трудового народа.

Мама!
Слышишь ли ты
Несмолкаемый гул канонады?
Мама!
Видишь, как пламя
Ночную прорезало тьму?
То у моря, в порту,
Дальнобойные рвутся снаряды,
И земля содрогается
В грозном огне и дыму.

Мама!
Брат уже час
Как пошел в направлении порта
С боевою винтовкою
В ночь,
Не боясь никого.
И сиял его взгляд,
И лицо было бледно и гордо.
Он сказал, что вернется,
Чтоб ждали с победой его.

Он две ночи не спал,
Но про сон позабыл и усталость;
Он с друзьями в бою
За свободу корейской земли.
Мама!
Милая мама,
Совсем ты у нас расхворалась
С той поры, как жандармы
На пытки сестру увели.

Мама!
Слышишь: все ближе
Разрывы и гром канонады —
То по улице нашей
Огонь повели корабли.
Пламя желтым потоком
Течет на дома и ограды.
Рухнул дом Пак Сан О —
И обломки его погребли.

Мама!
Слышишь ли ты
Плач ребенка и женщин рыданья, —
Рвут мне сердце они
И терзают бессонную ночь.
Мама!
Долг мой — итти
К тем, кто подняли знамя восстанья,
И бороться с пожаром,
И праведной битве помочь.

Треск винтовочных выстрелов
Где-то уже недалёко —
Это наши товарищи.
Мама!
Мне надо итти.
Почему ты молчишь?
Что с тобой?
. . . . . .
Я совсем одинока.
. . . . . .
Брат!
Ушла от нас мама.
Прости меня, мама,
Прости.

Помню, ты говорила,
Что рабство проклятое сгинет.
И когда угнетенью и горю
Наступит конец, —
Ты поедешь в Маньчжурию,
Чтобы на дальней чужбине
Отыскать ту могилу,
Где наш похоронен отец.

Как ты рада была
В день великого освобожденья,
В ослепительный августа день
В сорок пятом году...
А из жизни ушла,
Не узнав от нее утешенья,
Как народ наш на юге —
Лишь горе терпя и нужду.

Мама!
Я ухожу
По дороге сражений и мести
За тебя, за отца,
За других матерей и отцов,
Чтобы жить на земле,
Как мечтали с тобою мы вместе,
Чтоб рабами не быть,
Чтобы не было больше рабов.

Корабли извергают огонь,
И гремят батареи,
И прожекторы рыщут,
Как звери,
В пустыне ночной.
За всеобщую мать —

За единую нашу Корею —
Мы идем
В беспощадный,
Решительный,
Праведный бой!

На рассвете

У могучих бамбуковых зарослей
Вечнозеленых
Прозвучал его голос,
И был он могуч, как бамбук:
— Убивайте, убийцы!
Вас — сотни,
А нас — миллионы.
Все равно не уйти вам
От наших карающих рук!

Грянул залп...
У предателей
Дрожь побежала по коже.
И упал он,
И обнял он
Землю отчизны своей.
И, как стая волков,
Что лишь ночью страшны для прохожих,
Полицейские бросились
В чащу стволов и ветвей.

А спокойное солнце
Вставало над миром весенним,
Озаряя озера,
Леса, и луга, и поля.

И над самой землею
Незримою,
Легкою тенью
Пролетел ветерок,
Шапку черных волос шевеля.

Умирал ополченец
Под нашим лазоревым небом,
Но, казалось,
Пройдя
За предел человеческих сил,
На мгновенье открыл он
Глаза свои, полные гневом,
И корейское небо
Навеки в зрачках сохранил.

О корейское небо!
Сквозь белые вихри метели,
В первомартовской стуже,
В жестоком неравном бою,
В это небо родное
Не раз патриоты глядели,
За народ и за родину
Кровь проливая свою.

О корейское небо,
То синее, то золотое, —
Патриоты видали его
Сквозь решетку тюрьмы,
С ним прощались они
Перед казнью,
У виселиц стоя,
Навсегда уходя
Во владения смерти и тьмы.

О корейское небо!
Под ним мы наш август встречали.
Крики «Сталин!»,
Как гимны,
Гремели — исполнены сил.
. . . . . .
Умирал ополченец,
И взор его не был печален,
И корейское небо
Он в ясных зрачках сохранил.

И гремит его голос,
Могучий, как вечнозеленый,
Говорящий о верности
И о бессмертье, бамбук:
— Убивайте, убийцы!
Вас — сотни,
А нас — миллионы,
Никуда не уйти вам
От наших карающих рук!

МОСКВА

Мне уже больше тридцати лет,
Но, как ребенок, стремящийся к матери,
Выхожу на балкон огромного дома,
Чтоб любящим взглядом обнять Москву.
И вот на уровне моих плеч,
Озаренная утренними лучами солнца,
Она поднимается — весенняя, праздничная,
Майская, солнечная моя Москва!

Словно в легенде, слышанной в детстве,
Сквозь дымку утреннего тумана
Возникают могучие белые здания
И древние, священные стены Кремля.
И кажется, синее небо низко
Для высоко вознесшихся башен,
Где алым светом сияют звезды,
Освещая путь всему человечеству.

Сейчас
Шесть часов утра,
Но уже текут потоки улиц,
Словно величавое теченье рек;
Но уже шумят широкие площади,
Словно могучее дыханье моря,
И мерная мелодия огромного города —
Словно торжественное пенье хора,
Словно строительства победный марш.

Тот, кто встречал московское утро,
Не может не понять моего волнения.
Я спрашиваю:
Кто на земном шаре
Чувствовал бы иначе, чем чувствую я?

Здесь
Подымалось Октябрьское пламя,
Освещая старые, темные улицы;
Здесь,
По священным заветам Ленина,
Вечно бьется пульс революции;
Здесь
Работает гений Сталина,
Строя счастье всего человечества;

Здесь
Бонапарт, ломая шпагу,
Вручил судьбу позорному бегству;
Здесь,
Под Москвой, смертельный ужас
Охватил сумасшедшее сердце Гитлера;
Здесь
Великим салютом победы
Разговаривают с будущим всего человечества.

Я вижу:
Сверкают в лучах солнца
Бесчисленные окна Кремлевского дворца,
И кажется мне,
Что в одном из них
Я различаю фигуру Сталина,
И тотчас одергиваю гимнастерку
И, словно солдат, становлюсь навытяжку,
Как будто бы Сталин меня видит.

О Москва,
Где живет Сталин!
Весь мир в это утро смотрит на Кремль,
И Сталин
Тоже оглядывает мир,
Выковывая счастье всего человечества.

О Москва,
Где живет Сталин!
Люди тебя называют родиной,
Любят тебя и в тебя верят.

Это —
Не место их рождения,
Это —
Родина всего человечества:
Многие
Не могли здесь родиться,
Но они мечтают сюда приехать,
Тоскуют по тебе,
Как по своей родине,
Любят тебя и в тебя верят.

Я, проехавший тысячи ли,
Скоро опять тебя покину,

Но навсегда в сыновнем сердце
Будет твой образ запечатлен.

Пусть
Города всего мира
Станут такими,
Как ты, Москва,
И вся земля славится так,
Как славишься ты,
Столица Мира!

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

Холм 5
Пектусан (поэма) 11
Илмильдей 39
Туманган 43
Из цикла «Восстание в Есу» 47
Ночь 47
Мать 50
На рассвете 53
Москва 56

Художник *А. Власова*

Редактор *М. Виташевская.* Худож. редактор *А. Ермаков.* Технич. редактор *Ф. Артемьева.* Корректор *О. Семенова-Тян-Шанская*

Подписано к печати 27/X-52 г. А-05460.
Бумага 84 × 108 1/32 = 0,94 бум. л. — 3,07 печ. л. 2,26 уч.-изд. л.
Тираж 10 000. Заказ № 1600. Цена 3 р. 15 к.

Отпечатано с матриц 2-й типографии «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская 26 в типографии № 3 Ленгорполиграфиздата. Ленинград, Красная ул. 1/3.

Ср. 15 к.

ГОСЛИТИЗДАТ
1952

ПО ГИ ЧЕН